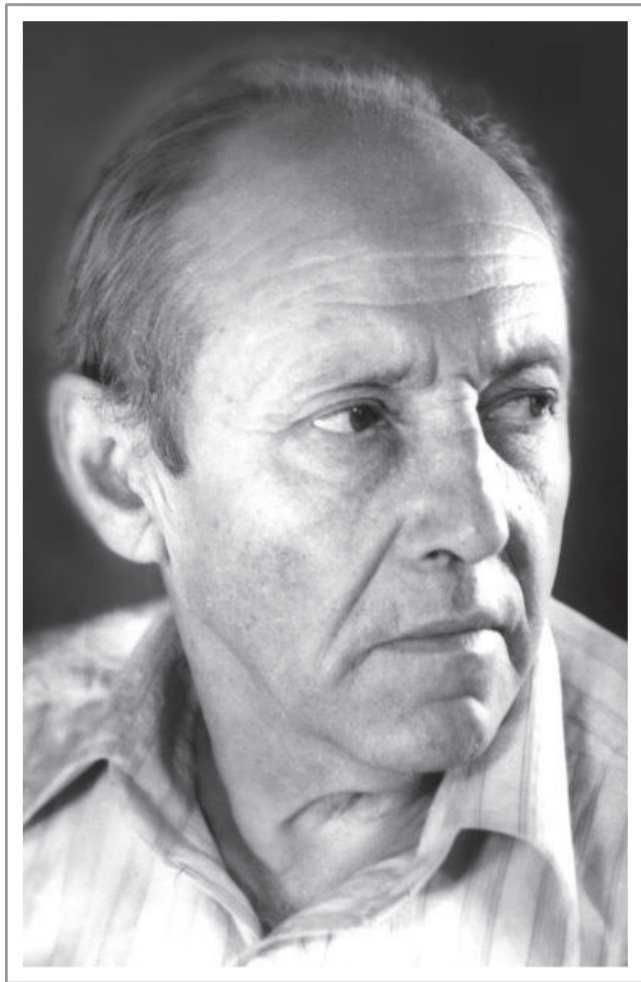

Виталий ПОПОВ

Дальняя дорога

К 100-летию со дня рождения Виталия Мелентьева

их его необычной энергетикой. Редкий эрудит, блестящий рассказчик и собеседник, он сумел создать в литобъединении такую непринуждённую атмосферу, что мы чувствовали себя не его учениками, а скорее, товарищами, каждого из которых он по-своему ценил...

Виталий Мелентьев прожил сложную, бурную и яркую жизнь. Он родился 7 августа 1916 года в Петербурге. Его родители после Октябрьской революции вынуждены были переехать в Таганрог, где прошли детство и юность будущего писателя. Он рос в большой семье, которая рано лишилась отца. С 14 лет Мелентьев работал слесарем, золотоискателем, грузчиком, матросом, одновременно учился в Таганрогском вечернем авиатехникуме, но так его и не закончил.

В 1937 году Мелентьева призвали в армию. Он участвовал в Финской войне, был ранен. После госпиталя вернулся в свою часть, которая базировалась в Карпатах. Здесь его и застало 22 июня 1941

года. Он воевал в артрэзвездке, был военным корреспондентом «Боевой Красноармейской газеты». В боях под Харьковом снова получил ранения. Войну Мелентьев завершил в Корее. Затем служил в Чите в

стику? Мелентьеву это с блеском удалось. Его фантастические произведения «33 марта, 2005 год», «Чёрный свет», «Обыкновенная Мемба» и другие были изданы не только в СССР, но и за рубежом.

При жизни писателя было печатаются 26 его книг. Сейчас можно только поражаться творческой работоспособности этого человека. А сколько душевных сил и времени он отдавал молодёжи, нашему литобъединению! Он очень бережно и тактично, без всякой напыщенности и менторской кичливости работал с нами. Как много усилий предпринял он, чтобы в издательстве «Московский рабочий» в 1978 году вышла в свет книга «Земля полей, земля людей». Это был первый послевоенный сборник поэзии и прозы подмосковных авторов — как профессионалов, так и начинающих литераторов. В нём появились повесть шофёра из Электростали Павла Басова «Всего одни сутки», рассказ инженера-электрика из Ногинска Леонида Стрекалова «Дорога в прошлое», рассказ научного сотрудника из Института физики твёрдого тела в Черноголовке Альберта Мелентьева «Прощание с детством», стихи учительницы из посёлка Купавна Маргариты Сургучёвой и произведения других прозаиков и поэтов.

У Виталия Григорьевича, насколько мне известно, был рак горла. На ранней стадии ему сделали операцию, которая, кажется, прошла успешно. Он оправился и, казалось, победил опасную болезнь. Мелентьев вёл полноценный образ жизни. Когда ему исполнилось 60 лет, его вторая жена Надежда родила дочь Веру. Надежда он посвятил один из лучших своих фантастических рассказов «Индия — любовь моя». Казалось,

*Нас осталось мало: мы да наша боль.
Нас немного и врагов немного.
Живы мы, покауда фронтовая голь,
А погибнем — дальняя дорога...*
Булат Окуджава

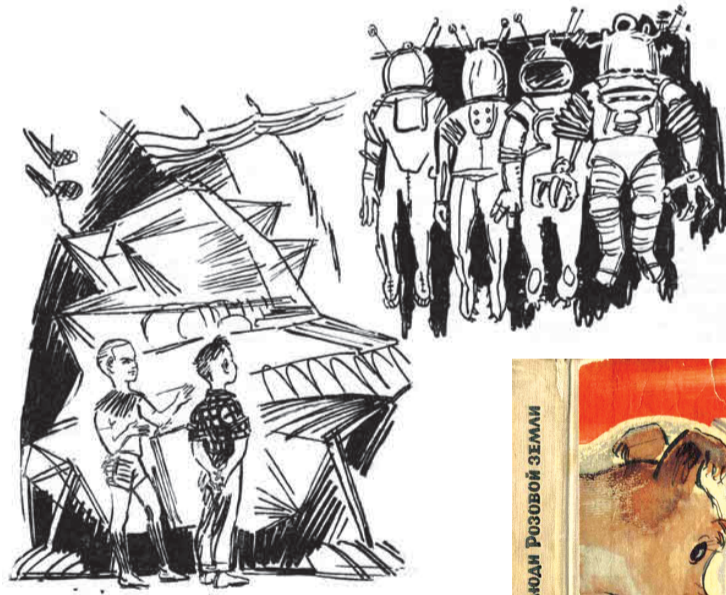
Эти строчки из песни «Маркитанка» я неслучайно вынес в эпиграф статьи, посвящённой памяти Виталия Мелентьева. Он очень любил эту песню, как, впрочем, и всё творчество Булата Шалвовича. Я помню, как на одно из занятий литературного объединения «Огонёк», которое вёл Мелентьев в Ногинске, он принёс журнал «Дружба народов», где был опубликован исторический роман Окуджавы «Путешествие дилетантов».

— Прочти, — посоветовал он, передавая мне экземпляр журнала.

Проза Окуджавы оказалась настолько изящной, стилистически выверенной и к тому же глубококомысленной, что не восхищаться ею было нельзя. Пожалуй, с помощью Виталия Григорьевича я понял тогда, что такое настоящая проза и стал отличать её от многочисленных суррогатов, коих и тогда было много, а в нынешнее время развелось немислимо.

Сейчас с некой ностальгией я вспоминаю 70-80-е годы прошлого столетия, когда Виталий Мелентьев руководил литературным объединением «Огонёк» в Ногинске. После смерти писателя в 1984 году оно практически распалось. И «Огонёк» потух. В городе не оказалось человека, способного заменить Мелентьева. Поначалу появлялись залётные литераторы из Москвы, которые пытались взять на себя роль руководителя литобъединения, но масштаб их личности значительно уступал калибру Мелентьева и нормального контакта с новыми наставниками у местных поэтов и прозаиков как-то не получалось...

Пожалуй, многие из нас только после ухода Виталия Григорьевича осознали (как это, увы, довольно часто бывает), кого мы потеряли. Мы купались в роскоши человеческого общения, которую, наверное, и имел в виду Сент-Экзюпери, и даже не подозревали о собственной удаче. Виталий Григорьевич был не только маститым писателем, человеком недожиданного ума и незаурядного таланта. Не боясь преувеличения, скажу, что от него исходил некий свет душевной чистоты, доброты и внутренней силы. Знайки экстрасенсорники, вероятно, определили бы, что он обладал неким магнетическим биополем, которое притягивало к нему людей и подпитывало

окружной газете «На боевом посту».

После увольнения из армии Мелентьев работал заведомом культуры в Ивановской областной газете, спецкором в центральной газете «Труд», в журнале «Огонёк».

В 1950-х вышли его первые книги: «Записки рядового», «Тихий участок», «Леший хребет» и другие. В них отразилась его личная биография и фронтовой опыт.

То, что Мелентьев писал о войне, — понятно и как бы закономерно. Фронтовой офицер и военный корреспондент волею судьбы попадал в такие ситуации, что, как говорится, мало не покажется. И вероятно, пережитое само просилось на страницы произведений. Но талант Виталия Григорьевича прорезался и в ином направлении — он стал писать фантастику. Для многих его коллег по литературному цеху это оказалось не только неожиданным, но и непостижимым. Им было непонятно: как можно сменить традиционную военную тематику на «прорыв» в фанта-

ничто не предвещало беды. О прошлой болезни напоминал лишь чуть хриловатый голос писателя. К сожалению, Виталий Григорьевич много курил. Через полтора десятка лет смертоносная болезнь вновь напомнила о себе. На этот раз Мелентьев уже не смог с ней справиться, хотя мужественно боролся за жизнь до самого конца. Он медленно умирал без жалоб и капризов, щадя своих близких. И шутил даже тогда, когда был уже прикован к постели.

«Ты знаешь, какой шикарный сон я видел сегодня ночью? — рассказывал он мне,

когда я посетил его в доме на 10-й Доможировской улице. — Я был в Австралии. Представляешь, какая там природа, какие краски? Я кенгуру поймал за хвост! Я не знал раньше, что у кенгуру такой жирный хвост!..».

Сны Мелентьеву снились цветные, с чувственным осязанием того, что в них происходило... Я никогда не забуду слов, которые сказал мне Виталий Григорьевич незадолго до своей кончины: «Не смерть страшна, старик, — произнёс он еле слышно, так как говорить в последние дни жизни мог очень тихо, — страшно, что вместе с тобой умирают нереализованные замыслы. А их, знаешь, сколько у меня в голове? Жаль, что осуществить уже не смогу...».

После смерти Виталия Григорьевича мы скинулись, кто сколько мог, на мраморную памятную доску писателя. Мы хотели, чтобы она была прикреплена к стене Глуховского рабочего клуба, где он в последнее время вёл занятия литобъединения. Доска эта к годовщине со дня его смерти была изготовлена. Но оказалось, что для её официального установления нужно особое распоряжение, которое мог дать только горком. Один из членов литобъединения, Саша Харитонов, ходил на приём к заведующему отделом пропаганды и агитации горкома Владимиру Наумову. Тот ему отказал, сославшись на то, что у Мелентьева были якобы какие-то нелады с КГБ, что, мол, не такой уж он и значительный писатель, чтобы ему мемориальные доски устанавливать... Партийноменклатурщики в то время отличались непомерными амбициями и обычно старались принизить заслуги людей действительно выдающихся. Им, вероятно, было даже непонятно, что рядом могут жить люди, которые выше их по уму, интеллекту, творчески одарённые... Так, кажется, и осталась эта доска храниться в квартире Харитонова в Заречьею.

Добрая память о Виталии Мелентьеве осталась у всех, кто его знал. К сожалению, жизнь так скоротечна, что, увы, ушли из жизни многие его ученики и друзья. Кажется, совсем недавно мы собирались вместе, вспоминали Виталия Григорьевича, и, расчувствовавшись за рюмкой водки, пели его любимую окуджавовскую «Маркитанку»:

*Руки на затворе, голова в тоске,
А душа уже взметнулась в вое.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе...*

А книги Виталия Григорьевича до сих пор нужны людям. Отраднo, что его произведения до сих пор переиздаются. И не только в нашей стране, но и за границей. Не так давно московское издательство «Армада» выпустило в свет в серии фантастики книги Мелентьева «Голубые люди розовой Земли» и «Чёрный свет». Вдова писателя, Надежда Никаноровна, бережно хранит творческое наследие мужа, дарит экземпляры его книг друзьям и библиотекам.

Виталий Мелентьев оставил после себя яркий свет. И этот свет согревает души тех, кто его знал и любил. Думаю, что творческому наследию писателя суждена долгая жизнь и дальняя дорога...

